Текст · 7 октября 2019, 06:12
Максим Литаврин,

Дело о трех листовках. Как московский вундеркинд стал обвиняемым в оправдании терроризма

Необыкновенная история московского школьника, который хотел произвести впечатление на одноклассницу, а оказался в психиатрической клинике, где оперативники ФСБ побоями и угрозами добивались от него признания в терроризме.

---

17 октября 2018 года 18-летний студент Керченского политехнического колледжа Владислав Росляков пришел на занятия с помповым ружьем, убил 20 человек и совершил [Роскомнадзор].

Через пять дней после этого — 23 октября — ответственность за шутинг в Крыму взяла на себя никому не известная организация «Революционные школьники города Москвы»: около четырех часов пополудни ее распечатанное в единственном экземпляре заявление появилось на дверях управы района Филевский парк.

«Общественная реакция нас убедила: мы на правильном пути. Отныне мы будем устраивать что-то подобное регулярно. Трепещите, неправедные патриции», — угрожал неизвестный автор. Рослякова он называл «революционным школьником», «бесстрашным анархистом и антифашистом, который бросил вызов захватившей Россию черносотенной сволочи».

Ни посетители управы, ни чиновники, ни случайные прохожие листка на двери так и не заметили — он провисел не больше минуты, пока его не сорвал охранник. Несмотря на это, заявление все же нашло своих внимательных читателей — ими стали сотрудники ФСБ. Уже через десять дней предполагаемый автор листовки, ученик образовательного центра «Протон» Марат Нигматулин 2001 года рождения давал объяснения оперативникам спецслужбы.

Подросток настаивал: никаких «революционных школьников» не существует, а заявление он сочинил, чтобы произвести впечатление на свою одноклассницу. Тем не менее Марата обвинили в публичном оправдании терроризма (часть 1 статьи 205.2 УК, до четырех лет лишения свободы).

Приключение для Алисы

К неполным 17 годам Марат, по словам его отца Владислава Нигматулина, самостоятельно выучил английский, латинский и древнегреческий, издал книгу размышлений о реформе образования, а также сочинил десятки стихотворений, рассказов, поэм и критических статей на разных языках. На авторской

странице юноши в журнале «Самиздат» его перевод работы экономиста Томаса Пикетти о неравенстве в России и доклады с научных конференций в МГУ соседствуют с сатирическими одами Владимиру Путину и повестью о Копатыче из «Смешариков», который работает бухгалтером у рабовладельца и хозяина опиумной плантации.

«Необычный мальчишка такой. Он познает все, ему интересно все. Правда, друзей в школе у него почти не было — интересы не пересекались с одноклассниками», — признает отец. Марат общался со сверстниками только на уроках, а в свободное время читал, гулял или ходил на пробежки — всегда в одиночестве.

Одноклассница Нигматулина Алиса Орлова в разговоре с «Медиазоной» тоже называет его непохожим на сверстников. «Интеллектуал, любил историю, обществознание… Ярый коммунист», — говорит она. Марат оказывал ей знаки внимания с восьмого класса, но подружились молодые люди только к концу десятого — в мае 2018 года. «Мне просто захотелось пофилософствовать, так слово за слово и начали общаться. У нас было с ним некое интеллектуальное родство, поэтому, наверное, и сблизились», — объясняет девушка.

Для Марата Алиса стала первым близким другом. Они переписывались «ВКонтакте» и гуляли в Филевском парке. Позже на допросе в качестве свидетеля Орлова вспоминала, что во время этих прогулок их беседы кроме школьных дел касались философских и идеологических вопросов. При этом одноклассники дали противоречивые показания о том, кто из них

чаще заводил речь о политике. Марат утверждал, что Алисе нравились левые радикалы XX века — Ульрика Майнхоф и Че Гевара. Девушка, напротив, говорила, что это Марат, будучи убежденным коммунистом, делился с ней книгами «военной, партизанской, террористической тематики». «Книги я не читала… Я не придерживаюсь каких-либо взглядов, мне больше интересна философия, психология», — убеждала следователя Алиса.

Иллюстрация: Мария Толстова / «Медиазона»

Марат переживал за подругу: Алиса писала ему «ВКонтакте», что хочет умереть, часто пропускала уроки и, по ее словам, боролась с депрессией. «Он ей очень сочувствовал, хотел чем-то поддержать, чем-то увлечь. Мама ему посоветовала: попробуй переключить ее внимание на что-то другое», — рассказывает Владислав Нигматулин. Постепенно молодой человек пришел к мысли, что одноклассницу спасет «приключение».

«Летом я решил ей помочь, а именно, вытащить Алису из депрессии. <…> Алиса сама мне неоднократно говорила, что ей хочется какого-нибудь "приключения". Тогда я и придумал "приключение"», — говорил школьник на допросе. Идея Марата была проста: от имени вымышленной леворадикальной организации расклеивать листовки на зданиях госучреждений. Юноша надеялся произвести на

Алису впечатление и отвлечь ее от мрачных мыслей, но, судя по показаниям Орловой, не преуспел.

«Я на это никак не отреагировала, просто выслушала его», — комментировала она идею друга в разговоре со следователем.

Так или иначе, 28 июля 2018 года «революционные школьники» впервые заявили о себе: ранним утром на дверях главного офиса Пенсионного фонда на Шаболовке появился листок с рукописным текстом следующего содержания.

> Господа чиновники!
> К вам обращаются революционные школьники города Москвы.
> На протяжении последних двадцати лет вы разоряли нашу Отчизну. Мы молчали. Вы разрушали промышленность и выводили капиталы в другие страны. Мы молчали. Вы уничтожали свободу слова, вводили тотальный контроль за гражданами, запрещали интернет-сайты и книги. Мы молчали. Вы закрывали больницы и школы, сокращали бюджетные места в вузах. Мы молчали. Вы морили голодом нашу науку, но при этом подбрасывали денег церковникам и мракобесам. Мы молчали. Молчали потому, что искренне надеялись на ваше исправление.
> Теперь вы лишаете нас пенсий. Больше молчать мы не будем.
> Мы обращаемся к вам от лица российской молодежи. Молодежи, у которой не будет высшего образования. Молодежи, у которой не будет хорошей работы. Молодежи, у которой не будет

пенсии. Молодежи, у которой нет будущего. Нет потому, что вы его у нас украли.
Мы пытались достучаться до вас мирными средствами. Но вскоре мы поняли, что это бесполезно. В политике не слышат ничего тише взрыва динамита.
Теперь мы переходим к открытой террористической войне против государства.
Вы лишили нас будущего. Мы лишим вас жизни.

На самом деле, объяснял потом Марат следователю, затея с листовкой была лишь предлогом, чтобы выманить подругу на прогулку, а манифест юноша написал, надеясь «показать Алисе, на что он способен». Но «Алиса в тот день не пришла, так как проспала», — коротко рассказал он на допросе об итогах акции.

Листок на дверях ПФР Нигматулин сфотографировал и скинул администратору группы «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!». Пост в этой группе и стал первым упоминанием «революционных школьников» в интернете. Благодаря публикации «ВКонтакте» следствие позже сможет отправить текст заявления на экспертизу — оригинал листовки, на которую никто не обратил внимания, не сохранился.

Первая листовка на дверях главного здания Пенсионного фонда на Шаболовке. Фото: «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!» / «ВКонтакте»

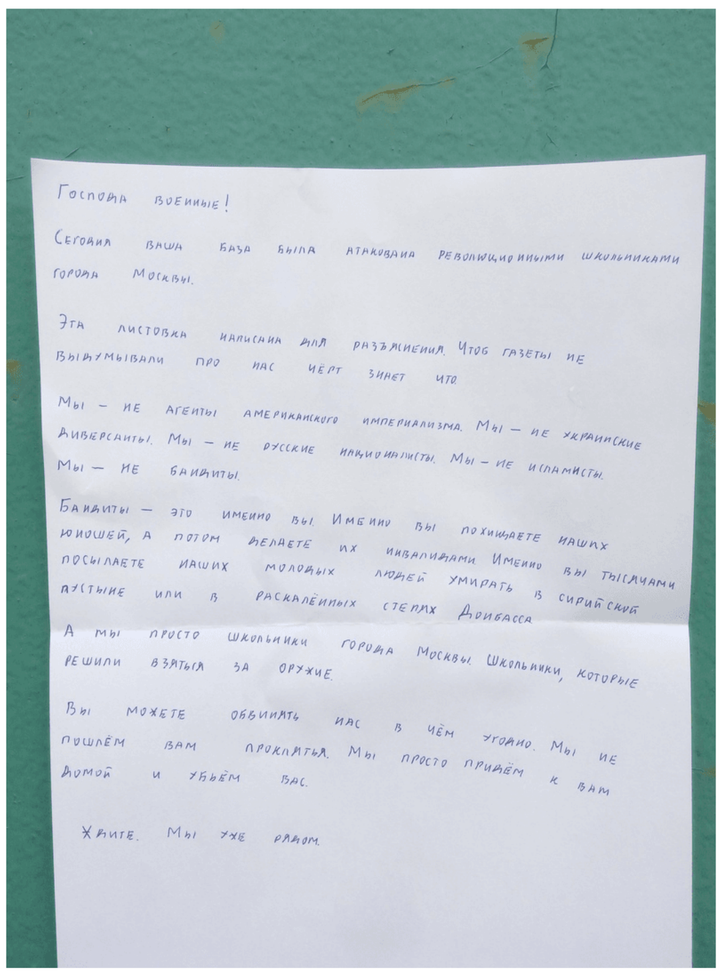
3 июля Марат снова захотел вытащить Алису из дома. Наученный опытом, на этот раз он назначил встречу на три часа дня — и девушка не проспала. Теперь Нигматулин решил приклеить записку на ворота военной базы — правда, молодой человек ошибся и принял за воинскую часть лечебно-диагностический центр Минобороны на Филевской улице. На железных воротах медучреждения появился следующий текст.

Господа военные!
Сегодня ваша база была атакована революционными школьниками города Москвы.
Эта листовка написана для разъяснения. Чтоб газеты не выдумывали про нас черт знает что.
Мы — не агенты американского империализма.
Мы — не украинские диверсанты. Мы — не русские националисты. Мы — не исламисты. Мы — не бандиты.
Бандиты — это именно вы. Именно вы забираете наших юношей, а потом делаете их инвалидами.
Именно вы тысячами посылаете наших молодых

людей умирать в сирийской пустыне или в раскаленных степях Донбасса.
А мы просто школьники города Москвы.
Школьники, которые решили взяться за оружие.
Вы можете обвинять нас в чем угодно. Мы не пошлем вам проклятья. Мы просто придем к вам домой и убьем вас.
Ждите. Мы уже рядом.

«Атакой» школьник назвал поджог аэрозольного баллончика. «Марат разместил баллон под забор поликлиники, [поджег его], потом этот баллон бахнул, после чего мы убежали», — говорится в протоколе допроса Алисы. По словам Владислава Нигматулина, позже оперативники ФСБ будут убеждать его сына признаться, что он изготовил и привел в действие настоящее самодельное взрывное устройство, однако 3 июля ни хлопка, ни листовки на воротах никто не заметил.

«Я просто хотел понравиться Алисе, — повторял на допросе обвиняемый. — Думал, текст такого характера произведет на нее впечатление. В реальности я не намеревался реализовывать написанное мной, а под оружием я подразумевал слово, а не действие». Теми же словами Марат объяснял и появление листовки на дверях управы района Филевский парк: школьник подчеркивал, что текст был адресован его подруге, а поступок «керченского стрелка» Рослякова он не одобряет.

Листовка на воротах лечебно-диагностического центра Минобороны. Фото: «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!» / «ВКонтакте»

«Клеил листовку?» — «Клеил». Следствие

2 ноября 2018 года Владиславу Нигматулину позвонил незнакомец. Он представился полицейским и без объяснений предложил родителям вместе с Маратом сегодня же явиться в ОВД «Филевский парк». В полиции Нигматулиных ждали пятеро оперативников, которые не называли своих имен и званий; отец юноши уверен, что большинство из них служат не в МВД, а в ФСБ.

«Мы прошли в маленькую комнату. Марату показали фото с камеры наблюдения возле управы, где можно разглядеть его лицо. Спросили: "Клеил листовку?" — "Клеил". Так все началось», — пересказывает беседу с силовиками Владислав. По его словам, опрос в тот день длился больше десяти часов, его записывали на видео. В какой-то момент Нигматулиных отвезли в здание УВД по ЗАО на Минском шоссе, чтобы не занимать кабинеты в тесном районном отделе — согласно материалам дела, оперативным сопровождением расследования

действительно занимаются сотрудники Центра «Э» из управления по Западному округу.

В какой-то момент, вспоминает Владислав, силовики рассказали, как вышли на его сына. Работник управы написал заявление из-за листовки, оперативники получили кадры с камер наблюдения и стали обходить окрестные школы, предлагая педагогам опознать подростка. Образовательный центр «Протон», где учился Нигматулин, расположен примерно в 40 минутах ходьбы от управы; когда директору показали скриншот с лицом школьника, она назвала его имя и фамилию.

Юноша не стал отрицать, что написал и приклеил листовку, однако от него стали требовать большего. «На него давили страшно. Адвоката не было, нам запретили вмешиваться — сказали, что выгонят, а вместо нас позовут социального педагога из его школы и психолога. Они спрашивали: "А что [революционные школьники] хотели еще сделать? Нам сказали, вы хотели устроить взрыв. Что вы хотели взорвать? Что ты еще взрывал?". Он все свои мысли начал излагать так, будто он реально что-то хотел сделать. Ребенок был в шоке. В этом состоянии он бы подтвердил и покушение на Путина», — рассказывает отец Марата.

По итогам этой беседы Нигматулиным не выдали ни протокола, ни другого документа, однако содержание первого опроса подробно излагается в материалах, которые следствие позже направит на комплексную психолого-психиатрическую экспертизу по делу (есть в распоряжении «Медиазоны»). Силовики утверждают, что Марат в

тот день признался: «революционные школьники» намеревались «совершить социалистическую революцию путем захвата власти вооруженным подпольем». Кроме того, молодой человек якобы рассказал оперативникам, как обсуждал с Орловой план похищения православного бизнесмена Германа Стерлигова ради выкупа; говорил, будто хочет грабить банки, взорвать в ТЦ «Европейский» бомбу, начиненную гравием, повредить рельсы, чтобы пустить под откос «Сапсан», и напасть на Государственный космический научно-производственный центр имени Хруничева.

— Такие опросы не имеют никакой юридической силы, — считает адвокат Марата Нигматулина Дмитрий Динзе. — Это не доказательство. Кроме того, даже в таком опросе они должны были соблюсти процедуры, так как он несовершеннолетний: поставить в известность прокурора, разъяснить право на адвоката.

Кроме Нигматулина оперативники опросили Алису Орлову, следует из материалов дела, и как минимум еще одного знакомого Марата — Илью Даминова, который по его просьбе распечатал листок с текстом про керченский шутинг. Содержание этих бесед защите школьника пока не известно. Орлова отказалась говорить с корреспондентом «Медиазоны» об обстоятельствах своей встречи с силовиками и перестала отвечать на сообщения, сославшись на занятость; с Даминовым «Медиазоне» связаться не удалось.

Официально Марата задержали через месяц, 11 декабря — силовики забрали его с уроков и

отвезли в отдел Следственного комитета по Дорогомиловскому району. Там школьника ждала следователь Виктория Алмазова; на столе перед ней лежало постановление о возбуждении уголовного дела по статье об оправдании терроризма (часть 1 статьи 205.2 УК) из-за листовки на дверях управы. Привлеченный следствием в качестве эксперта лингвист Евгений Тарасов из Института языкознания РАН посчитал: фразы «совершивший сие прекрасное деяние Владислав Росляков», «мы на правильном пути» и «отныне мы будем устраивать что-нибудь подобное регулярно» свидетельствуют о том, что автор одобряет теракты.

Следователь Виктория Алмазова входила в группу по расследованию дела «Нового величия» — группы молодых оппозиционеров, которых обвиняют в создании экстремистского сообщества (282.1 УК). СК вел это дело с марта 2018-го по февраль 2019 года, сейчас оно слушается в суде.

Адвокат обвиняемой по этому делу Марии Дубовик Максим Пашков подтвердил «Медиазоне», что Алмазова участвовала в следственных действиях, в том числе допрашивала и его подзащитную.

В августе 2019 года в Следственном комитете Владиславу Нигматулину сказали, что Алмазова уволилась. Дело его сына передали другому следователю — Анне Корнейчук.

На допросе у Алмазовой школьник признал вину частично — как и раньше, он не отрицал, что наклеил листовку, но настаивал, что не оправдывает терроризм. «Марат снова объяснил: он решил это сделать, чтобы как-то показать мужественность перед подругой. Следователь Алмазова нам сказала: мотивы нас не интересуют, нас интересует преступление», — вспоминает Владислав Нигматулин.

«У нас есть определенные предположения [о причинах поступка Марата], связанные с подростковым возрастом. В связи с тем, что определенный гормональный фон у подростка, они могут совершать действия, в которых не отдают себе отчет», — добавляет адвокат Динзе.

Через два дня — 13 декабря — Дорогомиловский районный суд Москвы отправил Марата под домашний арест; в ходатайстве следствия необходимость такой меры пресечения обосновывалась стандартно: старшеклассник «может скрыться» и «оказать давление на свидетелей». Суд запретил ему общаться с Алисой и посещать школу, Нигматулин перешел на домашнее обучение. «Следователь [Алмазова] не разрешала даже к врачу поехать. Все наши ходатайства — чтобы он мог в школу ходить, или на консультации, или сдавать экзамены в общем порядке — говорили "нет" и все», — возмущается Владислав. При этом следственных действий с подростком почти не проводилось, подчеркивает его отец.

«Они сказали, что у них есть возможности». Клиника

В апреле силовики неожиданно вызвали на беседу самого Владислава Нигматулина. Встречу назначили в отделе ФСБ по Западному округу Москвы на Осеннем бульваре. По словам отца Марата, его ждали четверо мужчин — один представился начальником окружного отдела, а трое — оперативниками спецслужбы; ни один из них не назвал своего имени. Владислав утверждает: ему предложили повлиять на сына, чтобы тот признался в организации террористического сообщества (часть 1 статьи 205.4 УК) в обмен на условный срок. Нигматулину перспектива условного наказания по столь тяжкой статье показалась неправдоподобной. Понимая сомнения отца, сотрудники ФСБ «сказали, что у них есть свои возможности»; когда Владислав все же отказался от сотрудничества, ему пообещали, что в деле Марата скоро появится еще один эпизод.

Через месяц подростку действительно предъявили еще одно обвинение по части 1 статьи 205.2 УК — на этот раз эксперты ГБУ «Московский исследовательский центр» нашли «оправдание использования насильственных действий в отношении военнослужащих» в тексте с ворот лечебно-диагностического центра Минобороны. Экспертизу проводили по посту с листовкой из группы «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!». Листок, прикрепленный к дверям Пенсионного фонда, тоже проверяли, но в этом тексте оправдания терроризма эксперты не нашли.

После этого оперативники ФСБ общались уже напрямую с Маратом; его родные и адвокат настаивают, что они добивались от юноши признания в создании террористического сообщества. В конце июня Марата направили на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Психиатрическую больницу № 1 имени Алексеева-[1]. По словам Владислава Нигматулина и его жены Людмилы Курбановой, на протяжении тех двух недель, что их сын провел в клинике, сотрудники спецслужбы посещали его ежедневно. «Приходили днем, затем — в час, в два ночи, беседовали до пяти утра, курили в палате. Угрожали: ты должен признаться [в создании террористического сообщества] — или останешься навсегда в этой больнице, мы из тебя сделаем овоща. Называли фамилии. "Такого-то знаешь? — Да. — А такую-то? — Да. — Она состоит в твоей организации, дай на нее показания, назови всех боевиков, которые у вас есть". Он отказывался», — рассказывает Владислав.

По словам отца, в первые дни в стационаре Марата били: чтобы не оставить следов, оперативники клали ему на голову толстую книгу и наносили удары через нее. «Когда после побоев он сказал врачам, что у него болит голова и его тошнит, ему ответили: "Кушать лучше надо, чтобы не болела"», — возмущается Нигматулин-старший.

Владислав и Людмила утверждают, что медики предоставили оперативникам ФСБ неограниченный доступ в палату сына. Впрочем, медперсонал, по словам родителей, тоже оказывал давление на подростка. «[При поступлении в больницу] врач стационара заявила Марату, что знает, что он —

террорист, и ему не удастся ее обмануть, и она сделает все, чтобы ему было здесь как можно хуже. Она орала на него», — говорят Владислав и Людмила.

В один из дней, продолжают они, Марата вызвали в кабинет заведующей отделением; кроме нее там сидели двое сотрудников ФСБ. Втроем они стали объяснять юноше, что жаловаться бессмысленно — он не сможет доказать свою правоту. Вечером, разговаривая по телефону с матерью, испуганный подросток попросил ее не предавать происходящее в больнице огласке и «сделать, как они хотят». Беспокоясь за сына, Людмила вызвала в клинику полицию; наряд, говорит она, в больницу не пустили.

Адвокат Динзе называет визиты оперативников в стационар незаконными: «Человек должен оставаться в нормальном расположении психики. Во время экспертизы не должно быть никаких стрессовых факторов».

Защита обжаловала в Дорогомиловском районном суде действия сотрудников ФСБ и персонала психиатрической клиники, а также бездействие следователя Корнейчук, которой не раз говорили о визитах силовиков к Марату. Суд отказался рассматривать жалобу, сочтя, что происходящее в больнице не имеет отношения к уголовному делу, а бейздействие следователя не затрагивает конституционные права обвиняемого. Семья Нигматулиных также написала жалобу на врачей в Минздрав и заявила отвод специалистам, изучавшим состояние Марата.

17 июля его отпустили из стационара домой. Эксперты пришли к выводу, что юноша здоров и не нуждается в лечении. Теперь Марат ходит в университет — из-под домашнего ареста он поступил на философский факультет МГУ; с 11 июля меру пресечения ему изменили на запрет определенных действий.

«Сейчас он говорит: "Я вообще не понимаю, зачем я это делал". Потому что, наверное, он правда не понимал, отсутствовал жизненный опыт. Ну кто эту листовку там увидел? Да никто не увидел. Он ее приклеил на двери управы, вышел охранник и тут же ее сорвал. Реально какого-то публичного оправдания не было. Я понимаю — он бы сделал десять штук, расклеил по району. Но тут — он одну листовку прилепил и пошел себе дальше. Как это можно назвать?» — недоумевает Владислав.

В конце сентября он написал корреспонденту «Медиазоны»: «Сегодня три новости. Марата взяли в сборную МГУ по легкой атлетике; пригласили к участию в двух международных конференциях в Москве и Зальцбурге; сказали что будут оформлять его на обучение за рубежом по обмену».

Если Марату Нигматулину предъявят обвинение в организации террористического сообщества, ему грозит до 10 лет лишения свободы — эта статья предусматривает сроки от 15 до 20 лет, но таково максимальное наказание для несовершеннолетних, установленное УК.[2]

Редактор: Дмитрий Ткачев

Исправлено 8 октября в 16:13. Даже если Марата Нигматулина обвинят и признают виновным в организации террористического сообщества, ему не грозит от 15 до 20 лет колонии, как ошибочно утверждалось в тексте — согласно статье 88 УК, лишение свободы несовершеннолетним[3] назначается «на срок не свыше десяти лет».

---

1. В Москве она более известна под старым названием — больница имени Кащенко.

2. На момент совершения преступления.

3. На момент совершения преступления.